

ЮШКОВ Игорь Валерьевич – старший преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; ivyushkov@fa.ru)

НАБАТОВА Аделина Марковна – студентка факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; adelinanabatova@gmail.com)

АГЕЕВ Антон Эдуардович – студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; ag1anton@yandex.ru)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Аннотация. В статье проводится анализ состояния мировой энергетической системы с точки зрения расстановки сил глобальных политических игроков. Авторы рассматривают отдельно энергетические стратегии США, Евросоюза и стран Евразии. Авторы указывают, что развитие ВИЭ не смогло на современном этапе нивелировать значение традиционных источников энергии. Борьба за контроль над странами с большими запасами углеводородов остается фактором геополитической нестабильности.

Ключевые слова: энергоресурсы, энергетика, международные отношения, экспансия, нефть, СПГ

Углеводороды остаются основой мирового энергетического баланса и дефицитным товаром. Углеводородный бизнес провел четкую демаркационную линию, поделив мир на богатые и бедные в ресурсном отношении страны, обусловив возникновение конфликтов геополитических интересов. Процесс перманентизации роли нефтегазовой индустрии продолжается, т.к. сокращаются размеры добычи нефти и газа в Западной Европе, ускоряются темпы роста численности народонаселения мира и усиливается развитие экономик Китая и Индии [Шабалина 2015: 34]. Размер номинального ВВП на 2023 г. составил 17,7 трлн долл. США и 3,73 трлн соответственно, США – 26,9 трлн долл. США, России – 2,24 трлн, а ЕС – 18,3 трлн долл. США. Намечается тенденция роста численности населения в мире: по прогнозу ООН от 15 ноября 2022 г., к 2050 г. численность народонаселения достигнет свыше 9,7 млрд чел., лидерами станут азиатский и африканский регионы. В связи с этим вырастет потребление энергии, и в странах, богатых нефтью и газом, вырастет добыча сырья для удовлетворения внутреннего спроса и потребностей на экспортных рынках [Симонов 2011: 12]. Неравномерное распределение углеводородов – причина возникновения геополитических конфликтов. Чтобы интересы государства учитывались, необходим рычаг воздействия или давления – нефть и газ. В результате внешняя политика концептуально становится экспансионистской.

Современная модель внешней энергетической стратегии Евросоюза

Современная модель энергетической политики Европы де-юре описана во Внешней энергетической стратегии, опубликованной в мае 2022 г. Европейской комиссией¹. На повестке стоит проблема мирового дефицита нефти и нефтепродуктов. Во Внешней энергетической стратегии

¹ EU external energy engagements. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-strategy/strategy-eu-external-energy-engagement_en (accessed 19.06.2024).

Еврокомиссия не дает указаний по борьбе с существующим дефицитом, называя лишь его источник – российскую спецоперацию на Украине. Де-факто наблюдается ожидание Еврокомиссией помощи по выводу на рынок достаточных объемов газа от различных производителей. Однако план «энергетического перехода» имеет высокую стоимость и риски технологического характера (прерывность возобновляемой энергетики). Так же, как и в случае реализации Парижского климатического соглашения, Евросоюзу не удастся выстроить энергетическую систему, основанную на ВИЭ, ведь это дороже, чем ожидалось, и требует больше времени.

Брюссель договорился с США о дополнительных поставках СПГ и подписал меморандум о взаимопонимании в сфере экспорта газа из Израиля через Египет в Европу. Но трагические события, связанные с военными действиями между Израилем и Палестиной, нарушили план ЕС по поставкам газа по приемлемым ценам в Европу. Де-факто подписанный меморандум – это документ, ни к чему не обязывающий и не решающий проблему замещения российских энергоресурсов. Также дополнительные объемы трубопроводного газа ЕС обеспечивает Норвегия. Еще одними источниками газа Евросоюз видит Азербайджан и Алжир, с которыми активирована энергетическая коммуникация. Не нарушая классический исторический мотив, Брюссель уповает на то, что страны Африки, а именно Ангола, Нигерия, Сенегал, Алжир, обеспечивающие около 15% импорта СПГ в ЕС, нарастят долю поставок газа в Европу¹.

По прогнозу исследователей университета Торонто², к 2050 г. в списке самых густонаселенных городов Земли будут Киншаса, ДР Конго и Лагос, Нигерия. А к 2100 г. – Киншаса, ДР Конго; Лагос, Нигерия; Дар-эс-Салам, Танзания; Хартум, Судан. Население в Африке составляет 1,47 млрд чел. (17,8% населения Земли), а ВВП – 2% общемирового. Африка хранит около 1/3 полезных ископаемых планеты, однако, по данным МВФ, Эритрея, Малави, Либерия, Чад, Нигер, Мозамбик, Сомали, ДР Конго, ЦАР, ЮАР, Бурунди, Южный Судан находятся в списке беднейших стран по ППС. Африка зависит от поставок своих товаров на экспорт, в т.ч. сырьевых. Потребность африканских стран в рынках сбыта ЕС использует для обеспечения себя углеводородами. Так, власти Танзании также афишировали желание принять участие в совместных проектах с *Shell* и артикулировали цель внешней энергетической политики – экспорт голубого топлива в Европу. Таким образом, Северная Африка потенциально способна обеспечить дополнительный приток трубопроводного газа в Европу в целях частичного замещения российских трубопроводных поставок. Но, поскольку Африка не подключена к европейской системе трубопроводов и у нее нет необходимой инфраструктуры, в ближайшее время возможность поставок необходимых объемов газа на рынок представляется маловероятной.

Фундаментальной особенностью политических и экономических отношений Европы и Африки является потребительское и захватническое отношение первого макрорегиона в отношении второго. Брюссель политически давит на африканские страны, требуя соблюдения санкций против России: соблюдение «потолка цены» на нефть и нефтепродукты, финансовые санк-

¹ World gas production. URL: https://asb.opec.org/ASB_Charts.html?chapter=1572 (accessed 19.06.2024).

² Socioeconomic Pathways and Regional Distribution of the World's 101 Largest Cities. URL: https://shared.ontariotechu.ca/shared/faculty-sites/sustainability-today/publications/largest_cities.pdf (accessed 10.12.2023).

ции и т.д. Но европейские страны хотят увеличить импорт углеводородов из Африки в кратчайшее время, чтобы решить свои проблемы. В долгосрочной перспективе Евросоюз заявляет о полной декарбонизации к 2050 г., что девальвирует инвестиции африканских стран в новые нефтегазовые проекты. Таким образом, Европа отказывается учитывать стратегические интересы африканских стран.

Эволюция энергетической стратегии США

США в настоящее время являются мировым лидером по добыче нефти и газа. В 2022 г. страна произвела 759,5 млн т нефти, что соответствует 17,2% общемирового объема добычи, а также 978,6 млрд куб. м. газа – 24,2% глобальной добычи. При этом нефтяная индустрия как полноценная отрасль сформировалась в США еще в XIX в. Но развитие нефтегазового сектора было нелинейным и претерпело сложный разнонаправленный путь развития. В частности, США уже в первой половине XX в. стали страной нетто-импортером нефти. Потребление росло слишком высокими темпами и достигло такого уровня, что собственная добыча уже не могла удовлетворить спрос.

США до сих пор остаются нетто-импортером нефти, но с 2010-х гг. они существенно снизили объем импорта благодаря росту внутренней добычи. Соответственно, США были заинтересованы в контроле над ресурсной базой в других странах. Отсюда повышенное внимание к политическому, экономическому и военному контролю над государствами – экспортерами углеводородов. В основном США сосредоточились на выстраивании поставок из ближневосточных стран, а также из государств своего региона – Канады, Мексики и Латинской Америки.

Канаду и Мексику США воспринимают как свой «задний двор» и надежные ресурсные центры. Канада остается лидером по поставке в США нефти, Мексика обычно остается на втором месте. При этом США, сократив суммарный импорт жидких углеводородов в 2010-х и 2020-х гг., сохранили объем закупок у соседних стран, а уменьшили – у ближневосточных.

На протяжении XX в. США в нефтедобывающих странах действовали через свои крупные компании. Коммерческие организации входили в добычные проекты стран, обладавших запасами углеводородов, предлагая свои технологии и инвестиции. В случае необходимости американские власти оказывали давление на руководство ресурсных стран, свергали или ликвидировали неудобных политиков (например, премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка).

Основа стратегии США заключалась в обеспечении надежных поставок углеводородов на свою территорию, чтобы не допустить дефицита. Крупные энергетические кризисы глобального масштаба сильно ударили и по США. В 1973 г. арабские страны ввели эмбарго на поставку нефти в страны, поддержавшие Израиль в рамках арабо-израильской войны. А в 1979–1980 гг. произошла Исламская революция в Иране, в результате которой сократился экспорт нефти, создав глобальный дефицит [Митрахович 2016: 27].

Стоит отметить, что зачастую контроль над месторождениями использовался США не только для обеспечения собственного спроса, но и для блокирования поставок нефти в страны-конкуренты. Так, после вторжения в Ирак в 2003 г. США долгое время не проводили лицензирование месторождений страны, заморозив восстановление добычи. Это можно было рассматривать как стратегию сдерживания Китая, который рассчитывал получать большие объемы нефти. Кроме того, рост цен на нефть также сильно давил на эконо-

мику Китая, т.к. он не имел значимых объемов собственной добычи, в отличие от США.

С 2003 г. в США начинается «революция» сланцевого газа. «Сланцевой революцией» называют период сильного роста добычи благодаря совместному применению двух технологий – направленного (горизонтального) бурения и гидроразрыва пласта. Это позволило США существенно нарастить объемы добычи газа и к 2020-м гг. выйти на самообеспечение, став страной нетто-экспортером. Так, в 2000 г. добыча газа в США составляла 518,6 млрд куб. м., а в 2022 г. – 978,6 млрд куб. м.

«Сланцевая революция» в нефтяной отрасли США началась чуть позже, чем в газовой, – в начале 2010-х гг. К этому времени добыча газа уже существенно увеличилась, а возможности экспорта в виде СПГ появились только с 2016 г. Соответственно, к началу 2010-х гг. сформировался переизбыток предложения на рынке газа, и цены упали. Чтобы не обанкротиться, компании, работавшие на сланцевых формациях, стали добывать жидкую фракцию углеводородов, которая и получила название сланцевой нефти.

Хотя США до сих пор не вышли на самообеспечение по нефти, «сланцевая революция» сильно повлияла на их внешнюю политику. Особенно хорошо это видно в газовой сфере. Теперь американские власти стремятся «расчислить» рынки сбыта для поставки СПГ из США. В частности, Вашингтон активно выступал против реализации российского проекта «Северный поток-2». Санкции, запрещающие его достройку и финансирование этого газопровода, были введены США еще в 2019 г. После начала СВО на Украине США через своего союзника в Европе – Польшу фактически остановили газопровод «Ямал–Европа» (Варшава национализировала долю Газпрома в компании – операторе польского участка *Europol Gaz*). Также была остановлена одна из ниток газотранспортной системы Украины, что также может указывать на давление со стороны США. Санкции по запрету поставок в Россию энергетического оборудования, инициированные США, привели к остановке «Северного потока-1». А потом, в конце сентября 2022 г., газопровод был взорван в европейской акватории, и основным бенефициаром данного теракта являются США.

После того, как США стали страной – экспортером газа, они не заинтересованы в поставках никакого другого газа на рынки. Поэтому если ранее они поддерживали проекты поставки в Европу газа из Азербайджана и Туркменистана, то теперь подобные проекты воспринимаются как конкурентные.

В нефтяной сфере также произошли существенные изменения. США намеренно снижали зависимость от ближневосточных месторождений, чтобы иметь возможность проводить более свободную политику в регионе. Кроме того, для арабских стран Персидского залива США своей стратегией создали угрозу. Если ранее, например, Саудовская Аравия была одним из главных поставщиков нефти на американский рынок, то теперь она составляет менее 1 млн баррелей в сутки, а ее крупнейшим покупателем стал Китай. Соответственно, если конфликт США и Китая перерастет в открытую горячую фазу, то Вашингтону нужно будет лишиться Пекин энергетических ресурсов, а значит блокировать экспорт из Саудовской Аравии и соседних стран.

Внешняя энергетическая политика стран ШОС и ОДКБ

США сталкиваются с конкуренцией со стороны других глобальных игроков. Так, Китай стремится получить контроль над ресурсной базой и маршрутами

доставки энергоносителей. Для него это важно с точки зрения собственного обеспечения, а не блокировки поставки в страны-конкуренты [Андрианов 2022: 131]. Главным оппонентом США в вопросе налаживания необходимых политических, экономических, энергетических и торговых взаимоотношений, а также наращивания импорта нефти и газа из зарубежной Азии являются две организации – международная организация ШОС, куда входят как Россия с Китаем, так и Иран с государствами Средней Азии, и межгосударственная ОДКБ, которая состоит из 6 стран бывшего СССР [Махмутова 2015: 23]. С момента создания ШОС и вхождения в организацию ключевых стран, обладающих одними из наибольших запасов незаменимых ресурсов, таких как нефть (Иран, на долю которого приходится более 9% мировых запасов, Россия – более 6% мировых запасов, Казахстан с Китаем, на долю которых приходится 1,7% и 1,5% мировых запасов нефти), природный газ (Россия, на долю которой приходится почти 1/5 мировых запасов, Иран – более 1%, а также Китай – около 4,5% и Казахстан – около 1,2%), уголь (на долю стран ШОС приходится более 2/5 мировых запасов угля, а объем его добычи и потребления превышает 2/3 мировых), важным и приоритетным направлением сотрудничества является именно энергетическое сотрудничество стран – участниц объединения и других важных игроков, имеющих значительные запасы энергоресурсов. Организация имеет масштабные энергетические проекты, такие как крупные газопроводы «Сила Сибири–2» и «Союз Восток» (его часть проходит по территории Монголии, не входящей непосредственно в организацию) [Войко 2010: 79]. Немаловажным проектом является «Пакистанский поток», соединяющий юг и север Пакистана, который так же, как и Монголия, не входит в состав ШОС. Помимо этого, предполагается, что данный проект позволит соединить его с другим крупнейшим магистральным газовым трубопроводом – ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), хотя проект ТАПИ фактически находится в замороженном состоянии из-за нерешенности проблемы обеспечения безопасности на афганском участке.

Энергетический потенциал ШОС имеет уже достаточно большое влияние на азиатский регион, и настоятельной необходимостью становится сохранение и увеличение данного влияния во всем регионе. В последние годы организация пополнила число своих участников, включив Индию и Иран. Но для более плодотворного сотрудничества ШОС планирует увеличить число членов организации: главными перспективными странами для вступления в ряды организации являются прибрежные страны Персидского залива – Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар. Утверждение и принятие в ШОС таких значимых для мировой энергетики игроков стало бы одним из ключевых шагов в закреплении ею своего статуса как лидера Мирового большинства, составив оппозицию Евросоюзу и США, которые хотят стать главными акторами в мировой энергетике.

Что касается ОДКБ, то данная организация является узкопрофильной, направленной на защиту границ и интересов стран Центральной Азии, где сосредоточены большие запасы полезных ископаемых (помимо углеводородов, еще уран и др.). ОДКБ является той организацией, которая способна обеспечить безопасность стран ЦА и развитие инфраструктуры для улучшения экспорта своей энергетической продукции и сохранения стабильности. ОДКБ, несмотря на некоторые погрешности в своей работе, по-прежнему является важным элементом для препятствования проникновению в Центрально-Азиатский регион разрушительных и деструктивных сил Запада,

устраивающего «цветные революции» и прочие дестабилизирующие акты. События, произошедшие в последние годы, повлекли за собой установление нового миропорядка в области экономики и энергетики. Новая система формирует области, где государства – участники ШОС имеют в распоряжении большинство мировых энергоресурсов, которые позволят им играть ключевую роль на международной арене [Кокошин, Кокошина 2022: 127].

Углеводороды остаются ключевыми энергоносителями, и борьба между основными геополитическими игроками продолжится. Рост народонаселения мира ведет к росту спроса на энергоресурсы. Конкуренция традиционной энергетики и ВИЭ будет нарастать в Европе, а азиатские и африканские страны будут наращивать потребление ископаемых источников энергии. Увеличение доли ВИЭ будет происходить, но не приведет к радикальному изменению структуры мирового энергетического баланса.

Список литературы

Андрианов В.В. 2022. Хеджирование нефтяных цен как инструмента международной энергетической политики. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 12. № 1. С. 124-132.

Войко Е.В. 2010. Энергетический потенциал Туркменистана. – *Observer*. № 1. С. 76-81.

Кокошин А.А., Кокошина З.А. 2022. Об основных направлениях внешне-политической стратегии США в Центральной Азии. – *Современная Европа*. № 6. С. 126-139.

Махмутова Е.В. 2015. Политико-экономический разворот России на Восток: pro et contra. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 2. С. 22-30.

Митрахович С.П. 2016. Иранский фактор в конфликте России с Западом. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 1. С. 25-31.

Симонов К.В. 2011. *Нефтегазовый фактор в мировой геополитике: учебное пособие*. Ухта: Ухтинский государственный технический университет. 236 с.

Шабалина Ю. 2015. *Российская Федерация и Европейский Союз в энергетической сфере*. М.: LAP Lambert Academic Publishing. 68 с.

YUSHKOV Igor Valerievich, Senior Lecturer of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; ivyushkov@fa.ru)

NABATOVA Adelina Markovna, student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; adelinanabatova@gmail.com)

AGEEV Anton Eduardovich, student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; aglanton@yandex.ru)

ENERGY RESOURCES AS A FACTOR OF GEO-POLITICAL TENSION

Abstract. The article analyzes the state of the global energy system from the point of view of the alignment of forces of global political players. The authors consider separately the energy strategies of the United States, the European Union and the Eurasian countries. The authors point out that the development of renewable energy sources has not been able to

offset the importance of traditional energy sources at the present stage. The struggle for control over countries with large hydrocarbon reserves remains a factor of geopolitical instability.

Keywords: energy resources, energy, international relations, expansion, oil, LNG

ЦАРЁВ Матвей Александрович — аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; carev_m_a@my.mgimo.ru); ORCID: 0000-0002-0754-2705; ResearcherID: IRZ-1212-2023; SPIN-код: 2844-1251

ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ИКТ И ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОДХОДЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (РОССИЯ, КНР И США)

Аннотация. В условиях кризисного характера формирования мирового порядка актуализируется проблематика глобального регулирования. Развитие информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), будучи одним из мегатрендов мирового развития, не является исключением. В настоящее время регулирование глобального информационно-коммуникационного пространства затруднено ввиду ряда различных причин, таких как его секьюритизация государствами, отсутствие аккомодации между великими державами и гомогенности в определении угроз, сущностных терминов, идей и подходов. В статье рассматривается роль ИКТ как ресурса атрибутивной и релятивной силы, подходы России, США и КНР к глобальному регулированию развития ИКТ и информационно-коммуникационного пространства, а также основные проблемы на этом пути. В заключение делается вывод о необходимых шагах в этом направлении, которые следует предпринять России для достижения лидерства в этом функциональном «досье».

Ключевые слова: кибербезопасность, глобальное управление, сдерживание, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), великие державы, мегатренды, нормативный активизм, суверенитет

В настоящее время происходит формирование современного мирового порядка [Шаклеина 2022]. На фоне этого актуализируются нормативный и коммуникационный аспекты взаимодействия между субъектами, а также вопрос о механизмах принятия решений на глобальном уровне [Лебедева 2020]. Несмотря на то что черты нового мирового порядка до конца еще не оформились, вполне можно констатировать недостаточную степень аккомодации в отношениях между великими державами, размывание международных режимов и несоблюдение норм, а также кризис институтов глобального регулирования. Сегодня мир можно описать либо как «осыпавшийся»¹, либо как «опять разделенный», в котором выделяются три центра силы, отождест-

¹ Мир осыпался: что дальше? Четвёртый день ежегодного заседания клуба «Валдай». — *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 28.10.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/mir-osypalsa-chto-dalshe/> (проверено 09.05.2024).